

пор вызывает многочисленные споры и толкования.²⁹ Это может свидетельствовать не только о субъективности взглядов исследователей, но и об объективной сложности природы ритмической прозы. Скорее всего для ритмической прозы принципиально невозможно найти, в отличие от стиха, некую единую универсальную систему ритмических фигур и закономерностей, наложив которую на текст можно точно определить, что перед нами ритмическая проза. Можно лишь, руководствуясь принципом синтаксической аналогии, который вытекает из самой природы ритмической прозы, изучать ритмообразующие факторы — факты поэтического синтаксиса, т. е. и собственно синтаксические явления, и риторические фигуры, а иногда и сложный ассоциативно-смысловой рисунок текста.

Но даже не от формального определения ритмических факторов зависит представление о том, что есть ритмическая проза. В значительной мере оно зависит от понимания того, какую стилистическую, смысловую и эмоциональную роль выполняют ритмообразующие факторы в тексте.

Такое представление о ритмической прозе, согласно которому она изучается с точки зрения синтаксической структуры, соответствует тому пониманию проблемы, которое, как известно, существует в современной теории литературы. Определяя сущность ритмической прозы, В. М. Жирмунский писал, что ритмическая проза «построена прежде всего на художественном упорядочении синтаксических групп, на элементе повторения и синтаксического параллелизма».³⁰ Эта мысль, высказанная в начале 20-х годов, без изменений, но уже в развернутом и аргументированном виде предстает в другой работе В. М. Жирмунского (1966 г.): «Основу ритмической организации прозы, — пишет автор, — всегда образуют не звуковые повторы, а различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или менее связанного, поддержанного повторениями. Они образуют композиционный остов ритмической прозы».³¹ Изучение древнерусской ритмической прозы с точки зрения синтаксической организации текста оправдано и другими причинами.

Казалось бы, поскольку речь идет о ритмическом звучании текста, прежде всего необходимо приступить к выяснению фонологических закономерностей. Но поскольку древнерусская фонология пока разработана недостаточно, то возможны субъективная расстановка ударений, произвольное прочтение *ѣ* и *ь*, степень участия которых в слогообразовании не установлена; неизвестна в целом система прочтения древнерусского текста. Кроме того, списки исследуемых памятников принадлежат времени более позднему, чем то, когда они были созданы; в этих условиях трудно учесть происшедшие фонологические изменения. И вероятнее всего, ритмичностью своей организацией древнерусская проза обязана даже не фонологическим закономерностям. Древнерусские тексты воспринимаются нами как ритмические и сейчас, при современном прочтении, при современной просодии. Следовательно, дело даже не в фонологических ритмических единицах, а в каких-то иных, которые продолжают действовать и сейчас. В современном прочтении мы не воспроизводим живой системы языка XI—XIII вв., а только его графически зафиксированную систему — синтаксическую структуру. Синтаксическая структура объективна, она сохранена текстом, поэтому исключает возможность вольных интерпретаций;

²⁹ См., например, тезисы и аннотации симпозиума «Проблемы ритма, художественного времени и пространства в литературе и искусстве» (Л., 1970).

³⁰ В. М. Жирмунский. Композиция лирических стихотворений. Пгр., 1921, стр. 94—95.

³¹ В. М. Жирмунский. О ритмической прозе. — РЛ, 1966, № 4.